

Циклические концепции социально-исторического процесса

Питирим Сорокин

Общественная мысль второй половины 19 в. отмечена линейной концепцией социально-исторических перемен. Большинство социологов, экономистов и философов истории занимались в основном формулированием “законов исторического развития” и открытием “исторических тенденций и трендов”. Со времени “закона трех стадий” Огюста Конта, являющегося ярким образцом линейной концепции, десятки таких “законов” и “тенденций” предлагались многими социологами, историками, экономистами и социальными философами. В их теориях общественный процесс рисовался как нечто движущееся к определенной цели, процесс истории подавался в виде некоего университетского курса: все народы начинают историю с одного класса как первокурсники (у Конта “теологическая стадия”), затем все переходят на второй курс (“метафизическая стадия” Конта), пройдя выпускной класс, все общества должны закончить на “стадии позитивизма”, или “социализма”, или “анархии”, или “демократии”, или “вырождения” и т.п. Так линейная концепция приобрела характер эсхатологической интерпретации социально- исторического процесса.

Я не хочу характеризовать или критиковать здесь все варианты этой линейной концепции. Я упомянул ее лишь потому, что ее господство со второй половины XIX в. привело социологов к забвению иной, циклической концепции социальных перемен и исторического процесса. Занявшись открытием “исторических тенденций”, они естественно не могли уделять внимания циклам, ритмам и повторениям в социальных переменных. Если я не ошибаюсь, сейчас в этом отношении мы находимся на поворотном этапе общественной мысли. Перемены в общественной жизни последних нескольких десятилетий, крах эсхатологических концепций истории, попыток открыть “тенденции истории”, лучшее знание многих общественных явлений, открытия многих замечательных цивилизаций прошлого, – эти и многие другие факторы обусловили то, что социальная мысль, кажется, начинает вновь уделять несколько большее внимание повторениям, ритмам и циклам в социально-исторических процессах. Большой успех концепции (Бергсон) бесцельной креативной эволюции в современной философии, замена термином “социальные перемены” термина “социальная эволюция” в социологии, все более внимательное изучение бизнес-циклов, флуктуаций, колебаний в экономике и других социальных науках, необычайный успех книги О.Шпенглера “Закат Европы” с ее циклической концепцией истории, – это лишь часть многих признаков, обозначивших поворот в современной социальной мысли.

В таких условиях уместно кратко обрисовать основные циклические концепции исторического процесса, цель настоящей статьи – дать достаточно сжатый исторический обзор этих теорий, проходящих через всю историю социальной мысли.

Основные циклические концепции исторических и социальных перемен

Циклическая концепция социальных перемен – старейшая в истории социальной мысли. Ее четкая формула дана уже в “Экклесиасте”, где мы читаем: “Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Что было, то и будет, и что делалось то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает и нечто, о чем говорят: “Смотри, вот это новое”, но [это] было уже в

веках, бывших прежде нас” . Еще одно древнее выражение веры в циклический характер социальных перемен – древняя астрология. Периодичность появления определенных звезд и вера в их влияние на судьбы людей привели к вере в то, что многие общественные явления периодически повторяются с течением времени.

Всем рожденным под знаком Льва или Скорпиона суждена определенная судьба, и все соответствующие периоды истории несут на себе те же черты . Так астрологические и кабалистические верования породили теории циклических и периодичных повторений исторического процесса. Примером таких теорий могут служить астрологические семигодичные циклы в жизни каждого: первые семь лет человека – под влиянием луны, следующие семилетние периоды соответственно подпадают под влияние Меркурия, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера и Сатурна . Смутное проявление циклической концепции можно также найти в древней мысли Индии. Господствующей философией древней Индии по-видимому была философия неизменного Бытия, но не философия меняющегося Становления. Реально существующее – “это не то и не это, как не результат и не причина, как не прошлое и не будущее, оно – без звука, без прикосновения, без формы, без распада, без вкуса, вечное, без запаха, без начала, без конца, за пределами Великого, и неизменное, оно возникло из ничего, и ничего не возникло из него. Древнее – не рождено, вечное, длящееся всегда” . Такова суть этой философии Бытия. Все перемены – нечто поверхностное, и в действительности их нет. Через даосизм в Китае, парменидов и философию Зенона в Греции, через *deus sive natura* Спинозы, через нынешние концепции атомов или их неделимых и неизменных частиц – эта философия неизменного Бытия проходит через всю историю человеческой мысли . Однако в отношении эмпирических феноменов древняя индуистская мысль дает три различные концепции перемен. Во-первых, есть теория социального регресса, сходная с библейской теорией падения и теорией регрессивной трансформации грешного человеческого существа. Вот примеры этой концепции. “В прежние века люди были всегда добродетельны и не имели злых наклонностей. Не было ни тяжб, ни ненависти, ни корысти. Когда же среди людей умерла привычка к долгу, появились тяжбы”, и так далее . “В последующих рождениях люди высших каст рождаются в следующей нижней, если они пренебрегли своим долгом” . Через библейскую теорию падения, через гесиодову теорию пяти регрессивных стадий, через Цицерона, Сенеку и теорию падения, созданную отцами церкви, через гипотезу Руссо об идиллической и невинной первобытной стадии, – вплоть до современных теорий социального регресса и вырождения эта концепция постоянно проходит через всю историю социальной мысли.

Во-вторых, в мысли древней Индии мы имеем некую теорию прогресса в форме приближения добродетельных людей к абсолютному и вечному Бытию. “Люди нижних каст рождаются в ближайшей более высокой, если они выполняют свой долг”. “Человек, который свободен от желаний и от горя, видит величество Себя и достигает даже того места, откуда он уже вновь не рождается” . Нет нужды говорить, что эта концепция в модифицированных формах также проходит через историю социальной мысли.

В-третьих, мы находим здесь теорию бесконечной трансформации человека без какого бы то ни было приближения к конечной цели и теорию больших циклов в истории всего мира (пралая). “Тот, кто не имеет разума, кто неверен и всегда нечист, никогда не достигнет того места (вечного Бытия), а вступит в круг рождения” . Согласно Веданте, после известного периода времени (кальпа или великий мировой период) эмпирический материализованный мир растворяется и принимает чисто духовную форму существования (Брама). Просуществовав некоторое время в этой чистой форме, реальное Бытие (Брама) опять принимает эмпирическую и материалистическую форму существования. Такие большие циклы (пралая) растворения материального мира в Бrame и материализация Бrame

повторяются в конце каждой кальпы . То есть мы видим здесь теорию вечных циклов в истории всего мира – теорию, которая проходит через историю социальной мысли и весьма сходна с тем, что ЛеБон назвал ритмом концентрации энергии в материальных вещах и растворение материальных вещей в чистой энергии . Все это иллюстрирует три концепции перемен в индийской мысли. Буддистская метафизика и идеология, взятые у браманизма, естественно близки идеологии Веданты .

Вся история мира, согласно концепции мысли древней Персии выражена в одном большом цикле, состоящем из многих малых флуктуаций. Исходной точкой большого цикла является добрый, добродетельный и счастливый мир, сотворенный Ахурамаздой, принципом добра. Затем, “Анхра-Майнью, принцип зла, вторгся в мир Ахурамазды и женился на ней”. С этого времени вся история – не что иное как борьба между этими двумя силами. Изменения, конфликты и войны в природе, а также среди людей – лишь конкретное проявление этой борьбы. Ее конечная стадия будет полным поражением Анхра-Майнью, “ад будет разрушен, люди восстанут из мертвых, и вечное счастье будет царить в мире”. Таков большой цикл. Рядом с этим в том же источнике обозначены меньшие циклы в форме трех случаев перенаселения земли и трех случаев увеличения земли со стороны Йима (здесь мы видим древнее ядро теории Мальтуса); и в форме шестнадцати счастливых стран, – созданий Ахурамазды и шестнадцати бедствий, – созданий Анхра-Майнью .

Философия даосизма в Китае была в сущности философией неизменного Бытия, аналогичной Веданте . В конфуцианстве же мы находим определенно и четко выраженную циклическую концепцию исторического процесса. Она сформулирована в законе Конфуция о трех стадиях, которые циклически повторяются с течением времени. Это Стадия Беспорядка, характеризующая примитивной анархией, постоянными войнами, отсутствием действенного социального контроля среди первобытных групп; Стадия Малого Спокойствия, характеризующая установлением семьи и частной собственности, социальной нестабильностью и эгоизмом, как-то сдерживаемыми социальным контролем; Стадия Великого Сходства, отмеченная стабильным социальным порядком, почти общей собственностью, взаимным уважением и доброжелательностью во взаимоотношениях членов общества. Эти стадии, согласно Конфуцию, в ходе времени повторяются . Бок о бок с этими непериодическими крупными циклами у Конфуция мы находим теорию периодичности в повторении малых социальных циклов. Есть социальные процессы, которые повторяются каждые три, девять, восемнадцать, двадцать семь и тридцать лет в соответствии с природой процесса.

Самым видным представителем циклической концепции истории в древней Греции был Платон. По Платону история любой культуры или любого народа проходит последовательно через стадии появления, развития и утончения, достигает вершины и из-за наводнений, чумы или других причин приходит в упадок и распадается. Он не делал исключения из правила даже для своей идеальной республики. “Видя, что все, что имеет начало, имеет также свой конец, даже совершенная конституция со временем исчезнет и растворится”, – говорит Платон по этому поводу . В то время как в трансцендентальном мире идей все неизменно и неподвижно , в эмпирическом несовершенном мире все меняется. Кроме того, Платон также отмечал малые циклы в смене форм правления, но в этом плане его точка зрения – в отношении их циклической повторяемости – несколько неопределенна . Однако одно несомненно: линейная концепция исторических перемен, постоянно идущих через все течение времени в направлении определенной цели, чужда Платону. То же можно сказать об Аристотеле. У него нет четкой позитивной теории социальных циклов. В то же время в его трудах мы не найдем и определенного следа линейной концепции социально-исторических перемен. Имплицитно во многих местах своих трудов, особенно при анализе причин и форм революций, он указывает, что основные причины революций всегда одни и те же и что в

этом отношении история повторяется. Конечно, это лишь имплицитная теория социальных циклов.

Среди греческих и римских авторов идея циклической концепции культурного и исторического процесса была довольно обычной, в то время как линейная теория практически отсутствует. Идея Сенеки, что “цепь событий подчиняется закону вечной ротации”, или идея Оффелла Луканского, что “нации, как и люди, рождаются, размножаются и умирают, чтобы уступить место другим людям”, общая также для Фукидида и Плутарха, Ксенофонта и Геродота. Из этих авторов особо следует отметить Полибия и Флора. Полибий пытался дать универсальную формулу определенного циклического повторения форм правления. Монархия вырождается в тиранию, тирания уступает место аристократии, аристократия вырождается в олигархию, на смену олигархии приходит демократия, которая обречена выродиться в охлократию, которая в свою очередь уступает место монархии: так цикл начинается, чтобы повториться снова. “Таков цикл политических революций, путь, назначенный природой, в котором конституции меняются, исчезают и в конце концов возвращаются в точку, из которой они начинали”, - писал Полибий. Из текста ясно, что Полибий считал эту формулу универсальной и постоянной. Имя римского историка Флора заслуживает упоминания потому, что он пытался установить, что не только каждая нация, подобно человеку, проходит в своем жизненном цикле через четыре стадии: детство, отрочество, зрелость и старость; но и что каждая из этих стадий имеет свой временной отрезок, который для каждой стадии Рима, по Флору, составляет двести пятьдесят лет. Его попытка была одним из первых усилий установить наличие не только циклов, но и их периодичности.

Социальная мысль средних веков, богатая и пестрая в других отношениях, в сфере интерпретации социально-исторических перемен не балует разнообразием. Ее доминанты в этом отношении несколько напоминают концепции Веданты. Стабильное, неподвижное и неизменное реальное Бытие (сущность), различные перемены в нестабильном, полуиллюзорном эмпирическом мире (случаи), теория падения, теория трансцендентальной эсхатологии в сочетании с Городом Бога или вторым пришествием Христа, или конечный сверхестественный конец истории, – вот ее наиболее видные черты, по меньшей мере, если судить по трудам Св. Августина, большинства отцов церкви и Св. Фомы Аквинского. Смутная идея периодичности исторических событий в мысли Средних Веков нашла свое, может быть, самое яркое выражение только в средневековой астрологии и в вере в “тысячелетнее Царство Божие” – вера, которая была весьма распространена во многих сектах миллениаризма.

Однако позднее циклическая концепция была возрождена в трудах многих мыслителей, среди которых в наибольшей мере выделяются Макиавелли, Кампанелла и Вико. Кампанелла подчеркивал наличие циклов в сфере политических, а также религиозных перемен. Вот суть его теории: “Религии и секты (в своих изменениях) имеют специальный цикл. Как республики, замененные монархиями через стадию или тирании, или аристократии, или олигархии, или политеи, или демократии, или иными способами, заменяются опять монархиями, так и религия, дезорганизованная ересью, заменяется атеизмом, который, после многих несчастий, ведет вновь к восстановлению религии”. “Итак, есть циклическое движение в истории религий. Начиная с единства – то есть, с папства или теократии – оно проходит различные стадии или формы от ереси до атеизма, откуда вновь приходит к единству. Эти три стадии – теократия, ересь и атеизм – повторяются в истории языческих, мусульманских и христианских наций. Политическое движение – также цикл. Его стадии – монархия, разные формы правления, при которых суверенитет дробится и ослабляется, и демократия, ведущая в итоге опять к монархии. Эти два цикла – религиозный и политический – независимы и концентричны”. Повторяющиеся циклы, однако, не

идентичны, а скорее спиралевидны и ведут к конечному царству Мессии. Так Кампанелла, как и многие другие, примиряет циклическую и линейную концепции социальных перемен.

Макиавелли обозначил два основных вида исторических циклов. Первый относится к циклической последовательности форм правления и представляет лишь повторение теории Полибия. Второй более оригинален и звучит следующим образом: “Переживая непрерывные превращения, все государства обычно из состояния упорядоченности переходят к беспорядку, а затем от беспорядка к новому порядку. Поскольку уж от самой природы вещам этого мира не дано останавливаться, они, достигнув некоего совершенства и будучи уже неспособны к дальнейшему подъему, неизбежно должны приходить в упадок, и, наоборот, находясь в состоянии полного упадка, до предела подорванные беспорядками, они не в состоянии пасть еще ниже и по необходимости должны идти на подъем. Так вот всегда все от добра снижается ко злу и от зла поднимается к благу. Ибо добродетель порождает мир, мир порождает бездеятельность, бездеятельность – беспорядок, а беспорядок – гибель и – соответственно – новый порядок порождается беспорядком, порядок рождает доблесть, а от нее проистекают слава и благоденствие. Вот что приводит государство к гибели, но когда предел бедствий достигнут, вразумленные им люди возвращаются, как уже сказано было, к порядку, если, впрочем, их не ввергает в беспомощность сила каких-либо чрезвычайных обстоятельств”. Эту теорию хорошо суммировал поэт в следующих стихах:

Вот какова мораль всех человеческих повестей,
Все это лишь репетиция прошлого:
Сначала свобода, затем слава – а когда ее уже нет,
Богатство, разврат, коррупция, варварство, наконец.
И история со всеми ее толстыми томами –
Лишь одна страничка.

Таков вечно оборачивающийся цикл истории по Макиавелли. В отличие от Кампанеллы он не указывает ни на идентичность циклов, ни на то, что они ведут к определенной цели. Большой эмпирический и скептический мыслитель, Макиавелли остается чужд всем линейным и эсхатологическим концепциям. В связи с его астрологическими и кабалистическими верованиями Ж.Боден, между прочим, также отмечает существование периодичности и ритмов в социальных изменениях, но не разрабатывает какой-либо определенной теории.

Наконец, в “Новой науке” Ж.Б.Вико циклическая концепция истории и социальных перемен находит свое наиболее систематическое, наиболее общее и наиболее интересное выражение. Вико, по-видимому, был первым мыслителем, который систематически пытался отделить в самых сложных историях разных народов то, что постоянно, фундаментально и присуще всем из них, от того, что преходящее, специфическое и местное. Так он, может быть, больше, чем кто-либо иной, заложил основу социологии как генерализующей или “номографической” науки отличной от истории как описательной или “идиографической” науки об уникальных и конкретных процессах отдельной страны. “Мы объясняем не привязанную ко времени и особую историю Греции или Рима, – писал он, – а идеальные, универсальные и вечные законы, согласно которым все нации проходят циклы своего появления, развития, распада и конца. Через разнообразие внешних форм мы схватываем идентичность сущности всех особых историй. Поэтому мы не могли не дать этому труду название “Новая наука”.

Вторая заслуга Вико в том, что он попытался установить не только существование этих трех стадий, – периода богов, героев и людей, – через которые проходят все народы и которые, будучи пройденными, повторяются вновь, но в дополнение к этому он попытался показать

наличие сложной корреляции между самыми сложными социальными явлениями при прохождении этих трех циклов. “Несмотря на бесконечное множество различных конкретных обычаев, история повторяется вечно, проходя циклы этих трех стадий, – божественную, героическую и человеческую, и она никогда не выходит из этого круга”. Соответственно, различные социальные феномены тесно связаны друг с другом на каждой стадии. Природа человека, обычаи, концепция естественного права, формы правления, характер языка, юриспруденция и законы, общественная власть, человеческая психология и рассудок, социальная организация, – все имеют специфические черты в каждом периоде, и эти черты повторяются во всех соответствующих периодах второго, третьего и всех циклов. Четвертая книга “Новой науки” представляет собой разительный монумент необычайно логичной и глубокой мысли. Что же касается идентичности этих повторяющихся циклов, Вико признает их внешнюю разницу, но в то же время настаивает на их сущностной и внутренней идентичности. Он не упоминает, что это вечное повторение циклов стремится к определенной цели или определенному концу. Из этого мы можем заключить, что эсхатологическая концепция истории не была созвучна его мысли. Поэтому едва ли правильна, хотя она и распространена, интерпретация теории Вико, рассматривающая ее в виде спиралевидного прогресса. Это не спиралевидная теория ни прогресса, ни регресса, – уже потому, что Вико не обозначал какой-либо непрерывной тенденции, по которой проходят вечные циклы. Это скорее систематическая теория бесцельных циклов истории.

В XVIII в. мы не находим чего-либо очевидного в плане теории циклической интерпретации социально-исторических перемен. Ясно, что в трудах Беркли, Монтескье, Мальтуса, Адама Смита, Фергюссона и французских представителей “социальной физики” есть частые заявления, указывающие на многие постоянные и повторяющиеся процессы общественной жизни, но они не образуют стержня этих теорий и, так сказать, поглощены линейными конструкциями названных авторов. Кроме того, они более ясно выражены в теориях XIX и XX вв. Это позволяет опустить их характеристику и перейти прямо к обзору циклических теорий XIX и XX вв. Здесь мы можем отойти от хронологической последовательности нашего обзора и кратко охарактеризовать современные теории – не соблюдая хронологии.

II. Современные циклические теории социально- исторических перемен.

Краткости ради я не стану характеризовать отдельно различные попытки, сделанные в XIX и XX вв., доказывать существование циклов в разных областях социальных изменений, а просто кратко перечислю характер цикла, краткое его описание и авторов, которые на него указывали. Так я смогу охватить все циклы и ритмы, независимо от того, имеют ли они, согласно их авторам, линейную тенденцию или нет. В отношении современных теорий я, естественно, не беру на себя какой-либо ответственности за их научную обоснованность. Цель этой статьи – обзор, не критика соответствующих теорий.

Поскольку циклы или ритмы могут быть периодическими, то есть регулярно повторяться через определенные промежутки времени, и непериодическими, происходящими в неопределенные и различные промежутки времени, целесообразно разделить все соответствующие теории на эти две группы и рассмотреть их по отдельности. Начнем с периодических циклов.

Периодические циклы и ритмы

24-часовые циклы и ритмы. Смертность и самоубийства: каждые 24 часа максимум смертей и случаев самоубийств происходят примерно между 6 и 7 часами утра и 7-8 часами вечера, минимум – между примерно 12 и 14 часами дня (согласно Герри, Дюркгейму, Миллару и некоторым другим).

Семидневные циклы и ритмы. Ритм шести рабочих дней и седьмого дня отдыха.

Годовые циклы (сезонные флуктуации). Рождения: Для многих европейских стран максимум числа рождений приходится на месяцы между январем и апрелем, минимум – на ноябрь и декабрь, а также июнь, июль и август (Виллерме, Кегле, Эттинген, Г. ф. Майр, Левассер и многие другие). Смертность: Для многих стран Европы максимум приходится на месяцы между январем и апрелем, минимум – на лето и осень, в странах с теплым климатом также есть рост смертей в жаркие месяцы (указанные выше статистики). Самоубийства: Для стран Европы максимум приходится на май, июнь и июль, минимум – на ноябрь-февраль (А. Вагнер, Морселли, Бедно, Масарик, Крезе и многие другие). Преступность: В Европе преступления против личности достигают максимума летом; минимума – зимой, преступления против собственности достигают максимума зимой, минимума – летом, в тропических странах циклы почти противоположны (Герри, Кегле, Эттинген, Э.Ферри, Левассер, Ломброзо, Курелла, И.Дж.Декстер и многие другие). Сезонные колебания отмечались многими авторами в движении зависимости, трудовых требований и безработицы, различных болезней, рабочей силы, бизнеса; в сезонных изменениях экономической активности населения, особенно в аграрных странах; в сезонном ритме обучения и каникул; в покупке и продаже сезонных товаров; в повторении из года в год определенных праздников (Рождество, День Благодарения и т.д.); и во многих сходных социальных явлениях.

Трех-с-половиной- и четырехгодичные циклы. Бизнес циклы: колебания периодов роста бизнеса и депрессий (Дж.Китчин, Джаглар, Лекюр и некоторые другие). Рождения: во Франции каждый четвертый год с 1815 до 1878 показывает ненормально низкий уровень рождаемости. С 1875 до 1905 года циклы продолжают существовать в несколько измененной форме (Миллар). Четырехгодичные циклы в жизни великих людей: в жизни Александра Македонского, Цезаря, Наполеона I, Бисмарка, Кромвеля и некоторых других каждый четвертый год был поворотным в их карьере. Такая же периодичность имеет место в ходе революции и социальных переворотов (Миллар).

Пятигодичные циклы. Число рождений видных писателей во Франции: с 1475 г. сорок два раза (из семидесяти) каждые пять лет обильных рождений писателей сменялись пятигодичными периодами относительной редкости таких рождений. В отношении наиболее известных писателей такие циклы имели место 51 раз из 69 пятилетних периодов (А.Одэн).

Семи-, восьми- и одиннадцатилетние циклы. Бизнес циклы: (Туган-Барановский, Зомбарт, У.М.Персонс, А.Афталион, Г.Л.Мур, У.Митчелл и др.). Феномены, связанные с бизнес циклами: безработица, помощь бедным, разводы, браки, рождения, смерти, преступления, религиозные возрождения и др. (Туган-Барановский, Ю.Юль, У.Огберн, Томас, Гекстер и другие).

Пятнадцати- и шестнадцатилетние циклы. Политическая жизнь. Каждые шестнадцать лет происходят заметные изменения в политических мнениях, составе правительства и его действиях (Ж.Дромель).

Тридцати- и тридцатитрехлетние циклы. Рождения: Тридцатилетние циклы движения рождаемости во Франции. Эпидемии: То же в движении холеры. Смертность: То же в движении смертности в Финляндии, Швеции, Норвегии, Франции (Миллар). Циклы бизнеса и урожая: (Беверидж, Мур). Доминирующие литературные школы и течения: каждые тридцать или тридцать три года одна литературная школа уступает место другим (Миллар). Доминирующие политические партии, правительственная политика и другие социальные явления имеют цикл в тридцать или тридцать три года. Промежуток времени – примерно

одно поколение – один из естественных размеров исторического периода (О.Лоренц, К.Йоель, Дж.Феррари) .

Сорокавосьми- и шестидесятилетние циклы. Бизнес циклы и феномены, связанные с большими бизнес циклами: Первый период больших бизнес циклов отмечен социальными переворотами, войнами, революциями и другими приметными социально- политическими переменами (Н. Кондратьев, А. Шпитхофф, Мур) .

Столетние циклы. Многие исторические процессы проходят столетние циклы как некий “естественный” исторический период. Великие социальные перевороты, подобные крупной Французской революции и наполеоновским войнам, мировая война и современные революции. Ренессанс и Реформация происходят периодами примерно в сто лет (О.Лоренц, К.Ясель, Ад.Бартельс, Фр.Куммер).

Двухсотлетние циклы. Колебания рождаемости и смертности (Д.Дж.Браунли).

Трехсотлетние циклы. Великие социальные перемены: начало и падение династий: несколько религиозных, общественных и политических институций и идеологических систем или появлялись и приходили в упадок в течение такого периода, или претерпевали радикальную перемену в своей организации и судьбе (О.Лоренц, К.Йоель, В.Шерер) .

Пятисотлетние циклы. Примерный период роста и упадка некоторых культур и государств (Персия, Греция) или целой эпохи в истории народа, после чего начинается новая и совсем иная эпоха второго или третьего пятисотлетнего периода (Миллар).

Шести-, двенадцати- и восемнадцативековые циклы. Некоторые фундаментальные исторические процессы проходят свой полный оборот за шестьсот, двенадцать или восемнадцать сотен лет. Эпохальные события отмечают конец каждого из этих периодов (Лоренц, Йоель, В.Шерер).

Тысячатридцатитрехлетние циклы. Период великих революций в смене цивилизаций (У.Петри) .

Этот перечень, хотя и неполон, дает определенное представление о многообразии периодических циклов, описываемых различными авторами. Далее мы перейдем к непериодическим циклами и ритмам.

Непериодические циклы и ритмы

Кроме периодических ритмов многие авторы описывают непериодические ритмы, колебания и циклы. Вот примеры таких теорий. Цикл изобретения: восхождение, плато и спуск (Михайловский, Тард, Богардус, Росс, Чепин, Огберн и многие другие) . Цикл социального процесса: подражание, излучение, оппозиция, адаптация (Тард, Хайес, Росс, Эллууд и многие другие) . Цикл социальных институтов и организаций: возникновение института, его рост, расширение и усложнение, его дезинтеграция (Ф.С.Чепин, У.Огберн и многие другие) . Циклы в жизни догмы, веры или идеологии: Возникновение, борьба против других догм или идеологий, рост, догматизация и упадок. В дополнение, циклическое колебание популярности и непопулярности многих догм (В.Парето, Гиньбер, Сорокин) . Ритм эпох с духовно-религиозно-этической и материалистически-технической цивилизацией. Это непериодический цикл – цикл долгосрочный, примерно от двух до трех или четырех веков (Вебер) . Ритм “критического” и динамического периодов в истории и ритм “органической” и статической эпохи (С.Симон, Парето, П.Лавров) . Ритм увеличения и уменьшения

государственного вмешательства (Г.Спенсер, Парето, П.Сорокин) . Ритм роста и сокращения экономической дифференциации и неравенства (Г.Шмоллер) . Ритм периодов процветания и бедности в жизни нации (Д'Авнелль) . Ритм эпох быстрого роста населения и его очень медленного увеличения или даже сокращения (Г.Шмоллер). Цикл жизни нации или культуры. Появление, рост, упадок (Данилевский, О.Шпенглер, О.Аммон, В. де Лапуж, Г.Хансен, Ч.Джини) . Цикл подъема и падения интеллектуальных, политических и финансовых аристократий (П.Жакоби и др.) . Цикл в ходе революции: период “освобождения” и период “обуздания” (П.Сорокин) .

Сказанного выше достаточно, чтобы дать представление о великом множестве различных ритмов и циклов, которые выделялись различными авторами. Все виды циклических концепций исторических и социальных перемен могут быть сведены в следующую схему.

Циклическая концепция исторических и социальных перемен

I. Вечно повторяющиеся идентичные циклы

II. Линейные или спира- Периодичные Прогрессивные

льные циклы, стремя- Регрессивные

щиеся к определен- Непериодичные Прогрессивные

ной цели Регрессивные

III. Циклы и ритмы, которые не идентичны Периодичные и не стремятся к определенной цели Непериодичные

III. Заключение

Я не намереваюсь обсуждать здесь вышеназванные теории и многие сложные проблемы, связанные с проблемой исторического процесса и социальных перемен, поскольку сделал это в других работах . Здесь же я хотел в виде догмата изложить несколько заявлений, которые, по моему мнению, могут претендовать на научность. Вот они:

Существование постоянно повторяющихся идентичных циклов, будь то эволюция всего мира или история человечества, не доказано. Следовательно соответствующие теории были бы заблуждением.

Существование определенных стабильных и вечных трендов в исторических и социальных переменных также не доказано. Все попытки установить существование такой тенденции провалились. Среди сотен таких трендов, сформулированных разными авторами, я не знаю ни одного, о котором бы – после тщательного научного исследования – можно было бы сказать, что он имеет научную достоверность. Ясно, что могут быть некоторые временные “секулярные тренды” и “тенденции”, но многие из них были лишь частицами долгосрочных циклов, и нет гарантии, что все такие тенденции не разделят эту судьбу. Даже такая очевидно явная тенденция как рост человеческого населения на этой планете может быть долгосрочной параболой – по меньшей мере, естественные науки, предсказывающие в будущем охлаждение солнца, кажется, допускают такое заключение, а именно, что параллельно с охлаждением солнца количество жизни и человеческое население должны также сокращаться. Г.Тард в своей утопии очень живо описал этот процесс. В. де Лапуж обрисовал это в терминах науки. Поэтому линейные и эсхатологические теории социально-

исторического процесса кажутся скорее спекуляциями, чем научными концепциями. Что касается теорий прогресса или регресса, поскольку они – “ценностные суждения” – они обречены (именно из-за этого самого факта) быть субъективными и, соответственно их логической природе, никогда не могут быть научными констатациями. “Наука всегда говорит в утвердительном и никогда – в сослагательном наклонении, каким изобилуют этические заявления и ценностные суждения”, – вполне уместно писал А. Пуанкаре. Таким образом, теории прогресса с их оценками хорошего и плохого, прогрессивного и регрессивного, могут выражать лишь субъективные вкусы их авторов, и ничего больше. Если социология хочет быть наукой точной, ей надо освободиться от таких ценностных суждений.

Из сказанного выше следует, что можно говорить лишь о временном и условном тренде (или тенденции), который, будучи трендом в течение сравнительно короткого периода времени, может уступить место противоположному тренду и таким образом может оказаться частью долгосрочного цикла.

С этой позиции социологического релятивизма изучение циклических и ритмических повторяемостей в социальных феноменах является в данный момент одной из наиболее важных задач социологии. Ее нужно двигать вперед всеми средствами, потому что она открывает многие возможности решения наиболее важных социологических проблем. Область повторяющихся феноменов дает возможность понять регулярности социальных процессов: где нет повторений, там нет возможности наблюдать регулярности и, следовательно, формулировать социологические законы или достоверные обобщения. Без таких обобщений самый *raison d'être* социологии как номографической науки исчезает. Во-вторых, эта сфера более доступна исследованию причинной зависимости и функциональной взаимозависимости различных социальных феноменов, чем сфера неповторяющихся процессов. В-третьих, повторяющиеся ритмические процессы, по-видимому, наиболее подходят для количественных исследований, что есть конечная цель любой обобщающей науки. Если на этом пути мы сможем получить хотя бы приблизительно верные обобщения, это не должно нас волновать. Мы все еще знаем так мало о “загадном” мире социальных событий, что любое реальное приближенное знание имеет большую ценность. Если среди указанных выше есть некоторые теории, кажущиеся детскими, это не опровергает другие, которые охватывают сравнительно наиболее достоверные обобщения социальных наук. Изучая все возрастающее количество различных социальных феноменов, повторяющихся время от времени, мы приближаемся к решению проблем того, что в непрерывно меняющемся процессе истории относительно постоянно и что чисто локально, каков темп перемен в различных социальных процессах, какие отношения между двумя или более феноменами случайны и какие действительно причинны. На этом пути социология может все больше и больше трансформироваться в ту реальную “*Scienza Nuova*” – “Новую Науку”, о которой мечтал великий Вико и которую он пытался создать. Насколько я могу судить, социология и социальные науки последние несколько десятилетий двигались в этом направлении. Такое движение, на мой взгляд, следует приветствовать.

Сорокин Питирим Александрович (1889-1968) – выдающийся социолог, с 1923 г. жил и работал в США, профессор Гарвардского ун-та, автор многочисленных книг и статей по социологическим теориям, социологии революций, социальной мобильности, социальной и культурной динамике и др.

Статья П.А.Сорокина появилась на свет в 1927 г. в американском журнале “*Social Forces*” (сентябрь, с.28-40), г.Балтимор, штат Мериленд. Перевод доктора исторических наук Н.В.Романовского.

